

УДК 343.21

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-142-149

**«ШАЙКА» КАК ФОРМА ПРЕСТУПНОГО СОУЧАСТИЯ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
(В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В «БАНДУ»)**

Максимов П. В.

Краснодарский университет МВД России

В статье представлен анализ норм дореволюционного уголовного законодательства (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.), регулирующих такую форму преступного соучастия, как «шайка». Показывается позиция законодателя, который фактически сближал составы преступлений, совершенных уголовной шайкой (прежде всего имущественного разбоя), и преступлений против государства в виде вооруженного нападения на «волостные и общественные управления». Делается вывод, что, с учетом усиления революционного движения на рубеже XIX-XX вв., повышенная общественная опасность вооруженных уголовных шаяк диктовала необходимость выделения самостоятельного состава преступления, что и было сделано, но уже после 1917 г., советским законодателем в виде бандитизма.

Ключевые слова: Уложение, шайка, преступление, наказание, сообщники, преступная группа, вооруженность, банда.

Современная форма соучастия в виде банды (ст. 209 УК РФ) впервые получила свое законодательно закрепление на системном уровне в УК РСФСР 1922 г., где в ст. 76 определялась следующая диспозиция бандитизма: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападений и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась» [1]. Однако такой состав преступления против государства, сформированный в первые годы советской власти, не являлся абсолютной новеллой советского законодателя, а вытекал из предшествовавшего имперского законодательства, где использовалось понятие «шайки».

В этой связи следует заметить, что с учетом особой опасности групповых вооруженных нападений, в российском законодательстве всех исторических периодов данному типу преступной активности всегда уделялось самое пристальное внимание [2, с. 53]. Причем в позднейший период Российской империи (начиная с конца XIX в.) в детально разработанном уголовном праве (мы берем для анализа последнюю масштабную редакцию Уложения о наказаниях и уголовных 1885 г. [3]) имелись самые различные варианты таких нападений, дифференцируемые в зависимости от преступного умысла, характера объединения преступников, формы нападений, их последствий, состава участников преступных групп (сообществ, скопа) и т.д., то есть, законодатель уже использовал системный подход, который в свою очередь, отражал более высокий уровень развития уголовного права как науки [4, с. 38]. В данном контексте выделим некоторые (наиболее значимые)

законодательные позиции Российской империи по вопросам регулирования ответственности за преступления, которые позже стали именоваться (уже при советской власти) бандитизмом – с тем, чтобы показать, что советское государство определенным образом восприняла позиции Российской империи, несмотря на прозвучавшие после 1917 г. декларации советской власти о том, что имперское законодательство полностью отвергается.

Предварительно заметим, что имперский законодатель не давал аутентичного толкования термину «шайка». Это делалось на доктринальном уровне. Так, Н.С. Таганцев считал шайку особым видом преступной группы и полагал, что «шайкой признается соглашение нескольких лиц на совершение нескольких определенных или неопределенных, однородных, разнородных преступных деяний. Существо шайки заключается в постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной деятельности в ремесло» [5, с. 17]. Характеризуя указанный вид преступной активности (в форме «шайки»), необходимо исходить из того, что, в силу своего группового характера, он был в первую очередь связан с юридическим термином «участие в преступлении» (раздел I Уложения 1885 г.), выступавшим «как родовое понятие» преступного соучастия. И прежде всего, закон требовал выяснения того, совершено ли преступление по предварительному соглашению (сговору) или без такового (ст.11).

В свою очередь, вопросы соучастия регулировались в ст. 11-15 и 117-128 Уложения 1885 г. и, при обычном порядке судопроизводства, обязательно выносились на решение присяжных заседателей. В соответствии с указанным порядком, в случае наличия предварительного соглашения преступников о создании преступной группы, законом далее различались такие виды соучастников, как «зачинщики», «сообщники», «подстрекатели» («подговорщики») и «пособники» (ст. 13). При наличии сговора двух и более лиц, каждое из указанных лиц несло ответственность за преступление в целом.

Помимо этого, среди лиц, причастных («прикосновенных») к преступлению, хотя и непосредственно не участвовавших в нем, выделялись также «попустители», «укрыватели» и «недоносители» (ст. 14). Все это также относилось к преступлениям, совершаемым шайкой, и сам факт наличия шайки означал обстоятельство, отягчающее вину членов шайки.

Однако не всякая шайка имела признаки, которые позже перейдут к банде. Дело в том, что имперский законодатель имел в виду, что созданная предварительно преступная группа, с одной стороны, могла совершать самые различные преступления (в том числе ненасильственного характера), а с другой стороны – характеризоваться различным уровнем сплоченности и приверженности преступным намерениям. В данной связи составы, наиболее близкие к современному понятию бандитизма, в имперской России были связаны главным образом с разбоями.

В свою очередь, для квалификации разбойных нападений в Уложении 1885 г. было выделено целое отделение третьей главы, включавшее десять статей, характеризовавших различные виды разбоев (и это не случайно, так как к тому времени имущественные преступления имели довольно широкую дифференциацию [6, с. 38]). Однако при всем разнообразии видов разбойных нападений, предусмотренных Уложением 1885 г., базовыми элементами разбоя всегда выступали, с одной стороны, похищение имущества жертв данного преступления, а

с другой стороны – очевидное насилие в отношении потерпевших лиц. А поскольку к существенным признакам разбоя относилось открытое нападение с нанесением опасных для жизни телесных повреждений, либо угрозой таковых, то при наличии у нападающих оружия (угроза убийством) данные преступления приобретали более высокую общественную опасность. Соответственно обязательный признак банды в виде вооруженности ее участников, имеющий место в современном российском законодательстве, тогда, в имперской России, позволял однозначно квалифицировать нападение преступной группы как разбой.

Однако при этом нужно иметь в виду, что далеко не каждый разбой имперской эпохи, совершенный группой преступников, можно отождествлять с современным составом бандитизма. Согласно Уложению 1885г. (ст. 1627) разбоем считалось также нападение без оружия, если «сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здоровья или свободы лица или лиц, подвергавшихся нападению» [3].

В контексте отмеченного разнообразия признаков разбоя, имперский законодатель детально учитывал и многообразие возможных видов преступных деяний. Это позволяло различать разбой по месту их совершения (ст. 1628, 1629, 1630, 1631, 1632- здание, селение, уединенное место, почта, транспорт и т.д.); по последствиям (ст. 1632, 1634 – увечье, раны, истязания, смертоубийство и проч.); по рецидиву (ст. 1635 – повторение разбоя). Последнее, наряду с разбоем в церкви, закон признавал наиболее тяжким видом, предусматривавшим наказание в виде ссылки в каторжные работы без срока.

И здесь важно заметить, что к числу наиболее тяжких относились групповые разбойные нападения в составе шаяк (ст. 1633). Лица, являвшиеся организаторами и активными участниками таких шаяк, могли быть наказаны ссылкой в каторжные работы на срок до 15 лет, другие члены шайки – на срок до 12 лет. Наряду с этим, ответственность за «составление шайки для разбоев» регулировалась ст. 924 Уложения 1885 г. как самостоятельный и законченный состав преступления, то есть, уже сам факт создания шайки являлся преступлением (равно как позже, уже при советской власти сам факт создания банды также будет считаться самостоятельным преступлением), за которое участникам шайки предусматривалось наказание в виде ссылки в каторжные работы на срок до 6 лет, даже если шайкой не было еще совершено преступление (еще раз подчеркнем: этот момент очень близок к характеристике постимперской банды).

В свою очередь, недонесение о существовании шайки также являлось преступлением, но наказание, конечно, было значительно мягче – «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» и направление в «исправительные арестантские отделения» [3]. Что касается лиц, виновных «в доставлении заведомо злонамеренным шайкам или сообществам оружия или же иных орудий, или каких средств для содеяния предположенных ими преступлений» [3] (ст. 928), то они несли наказание, аналогичное ответственности за участие в шайке (ссылка в каторжные работы на срок до 6 лет).

Как видно, законодатель устанавливал для участников уголовных шаяк (особенно для вооруженных, «составившихся» для разбойных нападений) самую

строгую ответственность, определяя для них значительные сроки ссылки в каторжные работы. Причем за разбои не предусматривалось альтернативных наказаний (например, в отличие от иных преступлений, не предусматривалась замена этого наказания направлением в арестантские отделения); следует заметить также, что такой была доминирующая позиция и в других странах [7, с. 64], что свидетельствует о высокой общественной опасности такого рода преступлений.

В то же время, при квалификации разбоев и, соответственно, определении наказания, учитывались самые различные квалифицирующие признаки. К примеру, 10 февраля 1910 г. в селе Красный Кут Самарской губернии было совершено вооруженное нападение на квартиру агента Северного банка. Преступники, захватившие кассу с деньгами, а также применившие насилие по отношению к сторожу, являлись членами политической партии социалистов-революционеров («эсерами»), и деньги предназначались для партийной деятельности. Однако, несмотря на эту «политическую» составляющую, требовавшую дополнительной квалификации (по ст. 102 Уголовного уложения 1903 г. – в связи с «подрывом экономической основы» режима), их обвинили лишь в деянии, сугубо уголовном, предусмотренном ст. 13, 1627, 1629, 1632 Уложения [8, с. 31]. В этой связи, современные исследователи справедливо указывают на тот факт, что, несмотря на непростую ситуацию предреволюционной эпохи, обвинение неохотно политизировало составы таких преступлений, предпочитая даже «политических» проводить по чисто уголовным составам [9, с. 109] – с тем, чтобы слишком суровые наказания не провоцировали протестные выступления местного населения [10, с. 49]. Там же, где чисто уголовные составы не были применимы, властями использовались нормы воинского Устава о наказаниях 1875 г. (ст. 278 и др.).

В целом, наиболее близкими к составу бандитизма можно считать разбои (особенно ст. 1628-1633 Уложения 1885 г.). Однако нужно видеть, что вооруженные групповые нападения могли совершаться не только шайками разбойников и не только в сугубо корыстных целях. Так, обращение к разделу 3 Уложения 1885 г. («О преступлениях государственных») показывает, что уголовное право имперской России выделяло целый ряд групповых преступлений, которые совершались вооруженными «сообществами» или «скопом», и были направлены против власти и ее распоряжений. Причем такие преступления карались гораздо более жестко, чем действия уголовных разбойных банд. В частности, смертной казнью карался не только бунт против верховной власти («восстание скопом»), совершенный с намерением ниспровержения власти (ст. 249), но также и недонесение о подготовке такого.

Помимо прямого «бунта», закон предельно сурово карал за «преступления против порядка управления» (раздел 4, глава 2 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям» [3]). В частности, отметим, что «явное против властей ... восстание», совершенное «вооруженными чем либо людьми и сопровождаемое с их стороны насилием и беспорядками» (с. 263) также каралось более жестко, чем участие в разбойной шайке (каторга 15-20 лет). Подчеркнем, что, в отличие от «сопротивления распоряжениям правительства», имевшего «частную цель» (ст. 270 – не более 3-х человек), восстание и противодействие (ст. 263-269) трактовались, как имеющие «характер вызывающий или нападающий». В силу повышенной опасности, в местностях, где был введен суд

присяжных, такие дела рассматривались судебной палатой с участием сословных представителей (ст. 201-1 Устава уголовного судопроизводства). Там же, где действовали чрезвычайные меры охраны, за вооруженное сопротивление гражданские лица подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени (ст. 226-1 Устава уголовного судопроизводства [11]).

Мы не случайно акцентируем внимание на «политических» преступлениях, сопровождаемых насилием, в том числе с применением оружия, – дело в том, что именно политический фактор после 1917 г. будет иметь решающее значение в трансформации «шайки» в «банду». А тогда, в позднейшей империи, этот фактор, хотя и не был непосредственно связан с преступлениями, совершаемыми шайками, но, определенное сближение составов вооруженных разбоев и насильственных «политических» преступлений уже просматривалось.

В подтверждение этого можно привести то обстоятельство, что в системе уголовных санкций Уложения 1885 г. прослеживается интересная параллель между указанным видом преступления против власти («бунт») и уголовными разбоями шаяк. Так, согласно ст. 264 Уложения 1885 г., действия даже невооруженных лиц, «однако с явным насилием и беспорядками, или же напротив вооруженными, хотя и без явного с их стороны насилия» [3], одинаково карались лишением всех прав состояния и каторгой 12-15 лет – это санкция, которая абсолютно аналогична санкциям в отношении организаторов и активных участников разбойных шаяк.

Наряду с этим, к 4-6 годам каторги (так же, как за членство в шайке) приговаривались участники невооруженных выступлений без явных насильственных действий (при условии, когда «для восстановления порядка начальство было в необходимости прибегнуть к необыкновенным мерам усмирения» – ст. 265). Подчеркнем также, что, согласно закону «восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян против волостных и общественных управлений» (ст. 267), при этом, если в ходе восстания имели место убийство или поджог (ст. 268), то виновные вообще приговаривались к наказанию вплоть до бессрочной каторги.

Здесь нападение крестьян на волостные и общественные управления, являвшееся «политическим» преступлением, довольно тесно примыкает по объективной стороне к нападению, совершаемому уголовной шайкой. Это очень важный момент, на котором в дальнейшем, уже советский законодатель, будет формировать состав бандитизм как самостоятельный вид группового преступного деяния.

А указанные жесткие санкции зачастую заставляли правоприменителей, и прежде всего суды, искать различные варианты изменения квалификации в заметно участвовавших случаях массовых волнений. К примеру, в процессах по «холерным беспорядкам» 1892 г. подсудимым вменялись ст. 99 и 100 Уложения 1885 г. В этом случае, по мнению официальных структур, «нельзя "сопротивление" и "восстание" видеть там, где налицо только самозащита. Они вменяемы лишь при умысле, которого в данном случае не было и следа» [12, с. 7]. Что касается холерных бунтов, то они стали следствием ошибки, самообмана, «темноты» крестьян, а также влияния российской «полицейской традиции» [12, с. 7]. Другим подобным примером можно считать процесс в связи с массовыми волнениями в слободе Должик Харьковского уезда (сентябрь-октябрь 1890 г.), где «для восстановления порядка, помимо

полицейских мер, были вызваны на место происшествия войска. К уголовной ответственности за участие в этих беспорядках были привлечены 18 крестьян, из которых 14 приговором харьковской судебной палаты с участием сословных представителей, были признаны виновными в преступлениях, предусмотренных ст. 263, 265 и 266 Уложения, и присуждены к соответствующим наказаниям» [13, с. 168]. В итоге 10 подсудимых были отправлены в арестантские отделения с лишением прав и четверо – к содержанию в тюрьме. Любопытно, что бывший земский начальник 2-го участка Харьковского уезда В.А. Протопопов, чьи действия и вызвали массовые волнения, всего лишь поплатился должностью.

Нельзя не видеть, что в целом нормы имперского уголовного права, и прежде всего статьи Уложения 1885 г., предусматривали самые разнообразные квалификации насильственных действий вооруженных групп, вводя очень много градаций виновности их организаторов и участников. Тем не менее имперский законодатель так и не выработал соответствующего общего понятия. Это касается и Уголовного уложения 1903 г. [14], где относительно «шайки» новелл нет – по-прежнему для обозначения преступных групп употреблялись понятия «шайка», «злонамеренная шайка», «сообщество», «скоп»; при этом нормы Уголовного уложения об ответственности за преступления в составе «шайки», к тому же, не являлись актуальными, поскольку так и не были введены в действие (как известно, Уголовное уложение 1903 г. было введено в действие лишь частично).

Между тем развитие общественно-политической ситуации в стране предъявляло к имперскому уголовному законодательству все новые требования, реагировать на которые законодатель не успевал. В этой связи, все большее значение приобретало чрезвычайное законодательство. В частности, еще 14 августа 1881 г., в ответ на убийство Александра II, было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [15]. Оно предусматривало введение при чрезвычайных ситуациях «исключительного положения» в форме «усиленной охраны» (решение могло быть принято МВД Российской империи сроком на 1 год), либо «чрезвычайной охраны» (решение Комитета министров сроком на 6 месяцев). Помимо этого могло также вводиться военное положение. Эта практика, получившая широкое применение, фактически стала обыденностью, начиная с революции 1905-1907 гг. В годы революции исключительное положение вводилось в 60, а военное – в 25 губерниях и областях [16, с. 46]. Особое значение в этих условиях приобрел закон 1906 г. о военно-полевых судах. Именно в эти инстанции, как правило, и направлялись дела о действиях вооруженных преступных групп и сообществ. И хотя прямой связи с собственно «бандитизмом» здесь нет (такого состава до 1917 г. еще не существовало), но признак вооруженности преступных групп уже начал со всей очевидностью выделяться в качестве одного из важнейших при квалификации совершаемых такими группами преступлений, учитывая, что в 1894-1917 гг. в результате подавления беспорядков, вызванных преступной деятельностью вооруженных групп, было ранено 28051 человек, при этом были расстреляны карательными экспедициями 6107 человек [17, с. 452]. При такой обстановке вооруженная уголовная шайка стала представлять повышенную общественную опасность, а политический фактор (усиление революционного движения) еще больше актуализировало вопрос о выделении такого рода преступных групп в особый вид преступного соучастия. Это было сделано, как отмечалось, после

1917 г. советским законодателем, однако можно предположить, что и имперский законодатель, не случись известных революций, также сделал бы подобный шаг, разве что терминология, очевидно, была бы другой.

Список литературы

1. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153. – Текст : непосредственный.
2. Медведева, Н. Т. Истоки и развитие уголовного наказания / Н. Т. Медведева, И. В. Упоров. – Рязань, 1997. – 88 с. – Текст : непосредственный.
3. Волков, В. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. / Сост. В. В. Волков // Изд. 1885 г. и по Прод. 1912 г. СПб. – 1914. – Текст : непосредственный.
4. Грошев, А. В. Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс / А. В. Грошев, И. В. Упоров. – Ростов-на-Дону, 2006. 571 с. – Текст : непосредственный.
5. Таганцев, Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая. Учение о преступлении / Н. С. Таганцев. – СПб., 1880. – 174 с. – Текст : непосредственный.
6. Упоров, И. В. Преступное имущественное насилие: понятие, уголовно-правовое регулирование и предупреждение / И. В. Упоров. – М.: Юрлитинформ. – 2015. – 187 с. – Текст : непосредственный.
7. Рассказов, Л. П. История государства и права зарубежных стран / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров, Л. В. Карнаушенко. – Краснодар, 2004. – 323 с. – Текст : непосредственный.
8. Гейфман, А. Революционный террор в России: 1894–1917 / А. Гейфман ; пер. с англ. Е. Доман. – М.: Крон-Пресс. – 1997. – 448 с. – Текст : непосредственный.
9. Гальперин, Р. И. «Саратовские Робин Гуды»: политические судебные процессы по делам об экспроприациях в начале XX века / Р. И. Гальперин. – Текст : непосредственный. // Известия Саратовского ун-та. Серия: «История. Международные отношения». – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 104–111.
10. Рассказов, Л. П. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров. – Краснодар, 1999. – 181 с. – Текст : непосредственный.
11. Гернет, М. Н. Устав уголовного судопроизводства / Сост. М. Н. Гернет. – М.: Типогр. М. М. Зив, 1916. – 418 с. – Текст : непосредственный.
12. Заметки. Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 1. – 1893. – С. 5–13. – Текст : непосредственный.
13. Судебная небрежность // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 1. – 1893. – С. 165–173. – Текст : непосредственный.
14. Таганцев, Н. С. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. / Н. С. Таганцев. // С извлеч. объясн. записок и журналов при обсуждении проекта. – СПб.: Гос. типогр., 1904. – 1113 с. – Текст : непосредственный.
15. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14.08.1881 г. // ПСЗ-3. Т. 1. СПб., 1885. – С. 261–266. – Текст : непосредственный.
16. Фомин, А. А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве / А. А. Фомин. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2002. – 243 с. – Текст : непосредственный.
17. Ушерович, С. Смертные казни в царской России: к истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 гг. / С. Ушерович. – Харьков, 1933. – С. 503. – Текст : непосредственный.

Maksimov P.V. «Gang» as a form of criminal compliance in pre-revolutionary criminal legislation (in the context of the following transformation in the «band») / P.V. Maksimov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 142-149.

The article presents an analysis of the norms of pre-revolutionary criminal legislation (Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885), regulating such a form of criminal complicity as a «gang». The article shows the position of the legislator, who actually brought together the elements of crimes committed by a criminal gang (primarily property robbery) and crimes against the state in the form of an armed attack on «volost and public administrations». The conclusion is made that, taking into account the strengthening of the revolutionary movement at the turn of the 19th and 20th centuries, the increased social danger of armed criminal gangs dictated the need to separate an independent corpus delicti, which was done, but after 1917, by the Soviet legislator in the form of banditry.

Key words: Code, gang, crime, punishment, accomplices, criminal group, weapons, gang.

Spisok literary

1. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 06.01.1922 "On the introduction into force of the Criminal Code of the RSFSR" (together with the "Criminal Code of the RSFSR") // SU RSFSR. – 1922. – No. 15. – Art. 153.
2. Medvedeva N. T. The origins and development of criminal punishment / N. T. Medvedeva, I. V. Emphasis. – Ryazan, 1997. – 88 p.
3. Volkov V. V. Code of criminal and correctional punishments. Ed. 1885 and Prod. 1912 / Comp. V. V. Volkov. SPb. – 1914.
4. Groshev A. V., Uporov I. V. Criminal law of Russia. A common part. A short training course / A. V. Groshev, I. V. Uporov. – Rostov-on-Don, 2006. – 571 p.
5. Tagantsev N. S. Russian Criminal Law Course. The part is common. Book one. The doctrine of crime / N. S. Tagantsev. – SPb., 1880. – 174 p.
6. Uporov I. V. Criminal property violence: concept, criminal-legal regulation and prevention / I. V. Uporov. – M.: Yurli-tinform. – 2015. – 187 p.
7. Rasskazov L. P. History of State and Law of Foreign Countries / L. P. Rasskazov, I. V. Uporov, L. V. Karnaushenko. – Krasnodar, 2004. – 323 p.
8. Geifman A. Revolutionary terror in Russia: 1894–191 / A. Geifman, trans. from English E. Doman. – M.: Kron-Press. – 1997. – 448 p.
9. Galperin R. I. "Saratov Robin Hoods": Political Litigation in Cases of Expropriation in the Early 20th Century / R. I. Halperin // Izvestia of Saratov University. Series: "History. International relationships". – 2015. – T. 15. – No. 2. – Pp. 104–111.
10. Stories L. P. Development of criminal and criminal-executive legislation in Russia / L. P. Rasskazov, I. V. Emphasis. – Krasnodar, 1999. – 181 p.
11. Gernet M. N. Charter of criminal proceedings / Comp. M. N. Gernet. – M.: Typogr. M. M. Ziv, 1916. – 418 p.
12. Notes. Contagion morale and cholera riots // Journal of civil and criminal law. Book. 1 – 1893. – Pp. 5–13.
13. Judicial negligence // Journal of civil and criminal law. Book. 1. – 1893. – Pp. 165–173.
14. Tagantsev N. S. Criminal Code of 03.22.1903 / N. S. Tagantsev. // With extract. explained notes and magazines when discussing the project. – SPb.: State. typogr., 1904. – 1113 p.
15. Regulations on measures to maintain public order and public peace of 14.08.1881 // PSZ-3. Vol. 1. SPb., 1885. – Pp. 261–266.
16. Fomin A. A. Emergency legislation in the Russian state / A. A. Fomin. Penza: Publishing house Penz. state University, 2002. – 243 p.
17. Usherovich S. Death Penalties in Tsarist Russia: Towards the History of Executions by Political Trials from 1824 to 1917. / S. Usherovich. – Kharkov, 1933. – P. 503.